

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

П.П. Шкаренков

МЕЖДУ РИТОРИКОЙ, ИСТОРИЕЙ И ПОЛИТИКОЙ:

образ короля и королевской власти в «Панегирике Теодориху» Эннодия

Магн Феликс Эннодий (474–521) принадлежит, как и Авит Вьеннский, к первому поколению, сознательная жизнь которого началась уже после крушения Западной Римской империи. Эннодий родился в Южной Галлии и на протяжении всей жизни сохранял трогательную преданность своей родине и не скрывал гордость этим происхождением¹. Впрочем, большую часть своей жизни он провел в Цизальпинской Галлии, где и умер, будучи епископом Павии. Эти биографические и географические указания в данном случае не факультативны: молодость Эннодия приходится на период борьбы Теодориха и Одоакра. Рассказывая о своей жизни, он рассматривает свои собственные несчастья и неудачи в кругу злоключений и невзгод, выпавших на долю его родины: «во время, когда Италия вновь обрела свою жизнь благодаря вступлению с нетерпением ожидаемого короля Теодориха, так как его враги сеяли везде опустошение несказанное и тот, кто пережил меч, оказался погублен голодом... я, в возрасте примерно шестнадцати лет, был оставлен без поддержки тетушки, которая меня вырастила»².

Эти биографические отступления отнюдь не второстепенны, как может показаться на первый взгляд. В действительности, они позволяют хотя бы понять, если не объяснить во всех полноте, позицию, занятую Эннодием по отношению к Теодориху. Перед нами не тот случай, когда бедный молодой человек, обладающий определенными способностями и таланта-

ми, связывает с правителем все свои честолюбивые устремления, направленные на достижение дальнейшего выдвижения и преуспевания. Конечно, мы видим, что Эннодий испытывает к Одоакру презрение и жгучую, постоянную ненависть. Его суровость по отношению к узурпатору не идет ни в какое сравнение не только с суждениями историков, но существенно превосходит по накалу то мнение, которое было официально сформулировано правительством Теодориха и закреплено под пером Кассиодора. Приведенный выше фрагмент письма Эннодия свидетельствует, что Теодориха он считает спасителем с момента его прихода в Италию, и Панегирик, который Эннодий составит позднее в честь короля, будет полностью соответствовать этому первому впечатлению. Хотя цитируемые строчки и были написаны гораздо позже, нет никакого сомнения, что Эннодий передает свои ощущения шестнадцатилетнего возраста, возраста переживаний и страстей, формирующих личность. Присоединение Эннодия к Теодориху было спонтанным и бескорыстным, насколько мы можем сейчас об этом судить. Для Эннодия Теодорих воплощает в себе чувство долга, справедливость и надежды на дальнейшее процветание Италии. Все это проявляется в личности короля во всем блеске своей очевидности. Хотя ситуация в Италии 490 г. ничего подобного, казалось бы, не предвещала. Сейчас мы знаем, что Теодорих был представителем императора, что император оставался единственным носителем высшей власти, что Одоакр был не кем иным, как узурпатором. Таким образом, мы склонны считать вторжение Теодориха в Италию легитимным, соответствующим императорскому повелению. Однако для населения Италии конца V в., которое не читало «Ostgothische Studien» Т. Моммзена, все эти обстоятельства были гораздо менее очевидными.

В нескольких блестящих строках Ф. Мориак такими словами описывает преклонение Расина перед Людовиком XIV: «Расин любил короля. Почему этот факт заставляет морщиться многих критиков? Мы говорим об

этой любви к королю так, как слепой от рождения человек рассуждает о цветах или об изяществе форм. Мы потеряли ощущение смысла происходящего, точнее произошло его смещение. Уж если на то пошло, приходится в волнение из-за трехцветной ткани – чудо гораздо большее, чем из-за существа из плоти и крови, которое воплощает в себе Францию, которое происходит от тех, кто создал Францию, и дети которого называются детьми Франции»³. *Mutatis mutandis* эти строчки могли бы прекрасно описать отношение Эннодия к Теодориху. Эннодий любил короля, и в этой любви для него соединялись преклонение перед незаурядным монархом и обожание своей родины – Италии. Единственное отличие заключается в том, что Теодорих не был сыном Италии по рождению, но он стал таковым по взаимному согласию и симпатии. Все, что Эннодий говорит о Теодорихе, отмечено такой степенью эмоционального напряжения, что очень сложно для анализа. Можно, конечно, найти этому разумные объяснения, но эти последние уже не однажды высказаны. Однако продолжает существовать что-то трудное для объяснения, неясное, смутное и загадочное, относящееся скорее к области интонации и стиля, нежели к сфере идей. Такой накал чувств очень редко встречается в латинской литературе: это не случай Горация и Августа, или Траяна и Плиния. Панегирику, написанному Эннодием в честь Теодориха, выпала судьба стать одним из последних примеров в долгой истории лаудативного жанра, однако, по существу, он не похож ни на один образец ему предшествовавший. Для сравнения с ним скорее подходят произведения авторов близких по времени к Эннодию, таких, как, например, Авит Вьеннский или другой уроженец Северной Италии, Фортунат.

Первый пункт, на котором необходимо остановиться, заключается в том, что для Эннодия Теодорих является королем. Его титул патрикия, обладание которым так часто подчеркивается Анонимом Вalezия, и на основании которого историки нового времени и следующие за ними строили

концепции для обоснования легитимности его власти, не упоминается никогда. Он также не является императором, то есть не имеет титула, обладание которым для западного мира той эпохи не могло значить ничего другого, кроме ощущения морального превосходства над окружающими королями. Однако это не мешает Теодориху претендовать на все prerogative императора Запада. Любопытным образом в портрете Эннодия Теодорих принимает вид императора только в борьбе против Востока. Таким образом, если Теодорих определяется как *rex* или как *princeps*, это не имеет существенного значения: второй титул вовсе не означает, что его обладатель оказывается императором. Впрочем, в *Vita Eriphani* другие короли также называются *principes*. Эти замечания непосредственно касаются только сочинений Эннодия и совершенно не отражают намерения самого Теодориха. Более того, они имеют значение лишь для того периода, когда пишет Эннодий. Не стоит забывать, что два основных произведения, относящихся к Теодориху, *Vita Eriphani* и Панегирик, были созданы до кризиса 507 г. Несомненно, что Теодорих только тогда в полной мере осознал свое императорское предназначение⁴. Также надо отдавать себе отчет в том, что Эннодий был служителем Церкви, в отличие от Кассиодора. *Vita Eriphani* и еще больше Панегирик отражают идеи церковных кругов⁵. В том числе и этим фактором, возможно, объясняется упоминавшаяся нами особая интонация данных текстов.

Итак, Теодорих – король. Он стал королем по праву рождения, а не вследствие благоприятного стечения жизненных обстоятельств. Эннодий называет его *rex genitus*⁶. Это определение представляет для нас интерес с многих точек зрения. Прежде всего, с его помощью проводится четкое отличие Теодорих от любых узурпаторов, прежде всего от Одоакра. Желание последнего стать королем было вызвано поистине дьявольскими наущениями⁷. Теодорих в свою очередь уже был королем, когда предпринял завоевание Италии. С другой стороны, королевский титул Теодориха у Эн-

нодия никогда не связывается с управлением определенным народом: Эннодий нигде не говорит о Теодорихе как о *rex Gothorum*. В целом в произведениях Эннодия вообще практически не содержится никаких указаний на готское присутствие в Италии, все, что связано с готами, тщательно заретушировано⁸. Для Эннодия политика – это дело исключительно правителей, это конфликт персональных амбиций и честолюбий, в котором народы играют лишь второстепенную роль. Согласно Эннодию, причина исторических событий кроется в индивидууме и обуревающих его страстях, к которым время от времени, как, например, в случае с итальянской экспедицией Теодориха, добавляется провидение и небесное вмешательство.

Когда Эннодий начинает свой рассказ о Теодорихе, мы могли бы рассчитывать, по крайней мере, узнать подробности о его семье, о том, как и при каких обстоятельствах он унаследовал принадлежащий его роду королевский титул. С первых же слов заметно, что Эннодий старательно избегает этой темы. Ритор такого уровня и образования не может, конечно же, не знать, что правилами составления панегириков предполагается рассказ о происхождении героя. В данном случае ничего подобного нет. Лишь однажды и вскользь упоминается Тиудимер⁹. Более того, это упоминание включается в речь самого Теодориха, Тиудимер не назван по имени, и не указывается его королевский титул¹⁰. Безусловно, подробный рассказ о детстве Теодориха, о его пребывании в качестве заложника в Константинополе – тема довольно щекотливая, и ее разработка могла поставить Эннодия в трудное положение. По крайней мере, Эннодий мог себе позволить сказать несколько слов, чрезвычайно сдержанных и выверенных, чтобы все-таки затронуть тему появления на свет и формирования своего героя. Автор всеми силами стремится избежать упоминания каких бы то ни было сюжетов в жизни Теодориха, которые можно было бы при желании счесть чуждыми римскому народу, свидетельством чему является знаменитая фраза: «*educavit te in gremio civilitatis Graecia praesaga venturi*»¹¹. Все это

позволяет утверждать, что если в выражении *rex genitus* идея наследования королевской власти и присутствует, то уж во всяком случае, не на первом плане.

Чтобы яснее представить себе смысл рассматриваемой формулы, мы должны обратиться к заключительным параграфам Панегирика, где Эннодий пишет: «Ты единственный соединяешь в себе заслуги и данное природой, приказам которой следуют храбрецы. Происхождение дало тебе право повелевать, однако твоя доблесть его подтвердила. Блеск твоего рода сниждал тебе скипетр, однако, если бы этого отличия и не было, твой разум заставил бы их выбрать тебя своим владыкой»¹². На первый взгляд кажется, что мы имеем дело с довольно традиционной темой, часто используемой в панегириках императорам, когда авторам нужно было согласовать права, полученные по рождению, с правами, добытыми героями исключительно благодаря личным заслугам. При более пристальном рассмотрении складывается впечатление, что в данном случае перед нами разворачивается конструкция их трех составляющих, а не только из двух. Ясно, что в основе лежат две бинарные оппозиции двух пар понятий: *origo/virtus*, *splendor generis/mens*. Эта схема сама по себе еще вполне традиционна. Но имеется ли здесь в виду та же самая оппозиция, только выраженная другими словами, что и в случае с *merita* и *natura* в предыдущей фразе? Слово *natura* в этимологическом значении «рождение/происхождение» встречается крайне редко. При этом в заключительном параграфе Панегирика мы вновь сталкиваемся с этим словом, используемым Эннодием для описания внешности короля, его физических черт: «то, что у других правителей является произведением диадемы, то у моего короля является творением природы, направляемой Божьей волей»¹³. Это позволяет нам предполагать, что Теодорих соединяет в себе не только королевское происхождение и личные заслуги, но также и исключительные физические, нравственные и интеллектуальные качества, сочетание которых в одном человеке и позволяет

«увлечь храбрецов». *Natura* в данном контексте означает внешний вид, манеру держать себя, осанку, то есть все те характерные черты человеческой личности, которые, конечно, зависят и от рождения, и от происхождения, но являются, тем не менее, неотъемлемыми, принадлежащими непосредственно конкретному индивиду. Так же как в случае с понятием *indoles*, *merita* отсылают нас к определенным чертам характера, возникновение и развитие которых является результатом действия свободы воли и личной *virtus*. Таким образом, в фигуре короля соединяются доблестные достоинства (*merita*) и то, что мы бы назвали природными, врожденными данными (*natura*). Итак, теперь, как кажется, мы можем более точно определить, что имеет в виду автор, называя Теодориха «*rex genitus*». Теодорих является королем, потому что, во-первых, он сын короля, во-вторых, потому что он обладает присущими королю от рождения неотъемлемыми природными качествами, и, в-третьих, потому что он развил в себе выдающиеся доблести и достоинства, необходимые королю.

Впрочем, если обратиться к контексту, в котором появляется выражение *rex genitus*, мы также обнаружим, что единственной интерпретации этого выражения как «король по праву наследования, сын короля» явно недостаточно, да и в целом она мало вероятна. В указанном контексте речь идет о выступлении Теодориха в поддержку императора Зенона, на трон которого посягнул узурпатор Василиск. У Эннодия вызывает восхищение тот факт, что *rex genitus* вернул законному правителю власть, принадлежащую ему по праву, вырвав ее из рук узурпатора. Иными словами, согласно точке зрения Эннодия, Теодорих мог бы эту власть и не возвращать императору Зенону, а, например, сохранить императорскую власть за собой. Конечно, Эннодий не говорит ничего прямо, даже преувеличение должно сохранять видимость правдоподобия: хорош бы он был, если бы осмелился без всяких экивоков заявить, что сын короля готов занять трон Цезарей! Зато все остается во вполне допустимых рамках, если Эннодий всего лишь

подчеркивает, что Теодорих обладает всем необходимым, чтобы быть королем.

Описывая физический облик Теодориха, создавая его литературный портрет, Эннодий акцентирует как раз те черты, в которых с наибольшей очевидностью проявляется королевская сущность героя: «ярко-розовый цвет лица короля излучает блеск его королевского достоинства», «стан его таков, что в нем сразу же угадывается правитель», «глаза его оживлялись постоянным сиянием», «его руки достойны и карать мятежников, и исполнять желания подданных»¹⁴. Этот портрет очень значим как в эстетическом, литературном, так и в политическом отношении. Безусловно, он не претендует на реализм, каждая отмеченная в нем деталь имеет символическое значение. Перед нами изображение короля, соответствующее сложившемуся иконографическому типу подобных портретов так же, как уже довольно давно существуют иконографические типы изображения Христа и святых¹⁵. С другой стороны, само наличие этого литературного портрета в Панегирике указывает на то внимание, которое уделяли современники непосредственному, физическому присутствию правителя. И тогда *rex genitus* скорее не тот, кто является королем по праву рождения, а тот, о ком можно сказать, что он «прирожденный король», по аналогии с тем, как мы говорим, например, «прирожденный артист», то есть тот, в ком живет некий «гений» королевской власти, *ingenium*, соответствующий его роли и положению¹⁶. Конечно, литературный портрет Теодориха, предложенное Эннодием изображение его физических черт, со всеми имеющимися символическими коннотациями является частью той картины мира, где каждый элемент обязательно должен чему-то соответствовать. Данные физического облика отражают и проявляют моральные качества. Внешность отнюдь не второстепенная, не случайная деталь. Теодорих должен изображаться только так и никак иначе, ибо он король, настоящий король. Здесь мы подходим к моменту, разделяющему Эннодия и Сидония Аполлинария.

Сидоний, давая портрет Теодориха II Вестготского, подробно говорит о его соответствии своему положению, о том, что Теодорих II полностью подходит для исполнения своих функций. Король соотносился с идеей королевской власти, соответствие которой и делало его правителем. Рассуждения Эннодия располагаются в иной плоскости. Сидоний судит, сопоставляет и выносит решение, Эннодий созерцает. Здесь больше нет места никаким рассуждениям беспристрастного арбитра, почти посредника между идеей и ее отражением, остается только констатация бесспорной очевидности: *vultus purpura inradiat*¹⁷. Подобные изменения эстетических установок никогда не происходят беспричинно, смена способа описания говорит о смене способа видения. Мы имеем все основания предполагать, что между портретом Теодориха, созданным Эннодием, и идеей *rex genitus* имеется прямое соответствие: одно служит понятийным отражением другого.

Неудивительно, что на все эти темы у Эннодия накладывает тема наследственной передачи королевской власти: «Пусть царственный отпрыск, рожденный от тебя, умножит благодеяния этого золотого века! Пусть наследник престола резвится у тебя на коленях!»¹⁸. Основываясь на наших предшествующих рассуждениях, можно отметить, что в концепции Эннодия сочетаются, не противореча друг другу, две идеи. Во-первых, важнейшим основанием королевского титула и королевской власти Теодориха оказывается отнюдь не его принадлежность к королевской династии Амалов¹⁹. С другой стороны, Теодорих король по рождению и происхождению (*operata est fabricante Deo natura*). То есть королевская власть, являющаяся бесспорной прерогативой и неотъемлемой принадлежностью Теодориха, в каком-то смысле отделяется, абстрагируется от его готского происхождения. Но это ни в коей мере не мешает ей передаваться по наследству. Акценты и нюансы тут очень важны, можно сказать, что в них-то и заключено главное содержание. Для Эннодия королевская власть Теодориха это не

готская королевская власть, управляющая Италией, которая должна получить свое продолжение. Мысль выражена достаточно четко: *germen ex te, heres regni*. Речь идет о том, чтобы имела продолжение именно власть Теодориха над Италией, а не об обеспечении прочного положения потомкам Тиудимера.

Основная проблема, безусловно, заключается в следующем: каким образом объяснить и обосновать, что в самом центре империи, в Италии правит Теодорих. Единственное решение состоит в том, чтобы воспеть, восславить его королевскую власть. Только таким способом можно предотвратить распространение мнения об Италии как о добыче варваров, или как о вассале Константинополя. Нужно показать, что *rex genitus* Теодорих достоин править Италией, а его власть не нуждается ни в каких инвестициях императора Восточной Римской империи. Каким образом император Зенон мог бы согласиться с такой постановкой вопроса, хотя бы это и касалось того, кто в борьбе с узурпатором Василиском вернул ему трон?²⁰ С другой стороны, королевская власть Теодориха дарована ему Небом, а его королевство – это Италия. Любопытно отметить, что в *Vita Eriphani* Эннодий говорит об Эйрихе как о короле готов, о Гундобаде – как о короле бургундов²¹, тогда как Теодорих всегда называется просто *rex* или *princeps* без каких бы то ни было уточнений, то есть можно сказать, что в *Vita Eriphani* Теодорих выступает королем *par excellence*. Он пришел в Италию «с множеством своих воинов»²², он единственный, *regnum* которого определяется по географическому принципу: *Italiae dominus*²³, *Italiae rector*²⁴. Другие титулы, которые использует Эннодий по отношению к Теодориху, такие как: *dominus rerum*, *dominus libertatis*²⁵, – работают на решение все той же проблемы, так как раскрашивают королевскую власть Теодориха в сугубо римские цвета.

Утверждение особых, исключительных отношений, возникших между Теодорихом и Италией, определяет и пределы его власти. Король от-

кликнулся на призывы и мольбы о помощи этой древней земли, обескровленной недостойными правителями²⁶. При этом и Италия помогла ему, так как именно она стала тем полем, где Теодориху представилась возможность развернуть бурную деятельность, проявить и реализовать все свои потенциальные способности, всю мощь его природной, принадлежащей ему по праву рождения королевской власти. Прирожденный правитель, он делает в Италии то, ради чего появился на этот свет, находит здесь исполнение своего предназначения, находит дело, соответствующее его самым честолюбивым ожиданиям и амбициям. Но его власть ограничивается пределами Италии, она не обладает универсализмом императорской власти.

Таким образом, по мысли Эннодия, Теодорих оказывается королем – спасителем Италии, погубленной предшествующими императорами и тираном Одоакром. Когда нам сообщают, что он лучше справляется с делом управления Италией, чем его предшественники – императоры, то говорится это не для того, чтобы сравнить Теодориха с ними, но чтобы его им противопоставить²⁷. Война за Сирмиум оказалась для Эннодия весьма удачным поводом и для полемики с Восточной Римской империей, и для того, чтобы лишний раз продемонстрировать единство интересов Теодориха и Италии, показать охвативший их общий душевный подъем. Напомним, что в 504 г. Теодориху, воспользовавшемуся династическими распрями в Паннонии, удалось захватить Сирмиум, главный город этого региона и древнюю императорскую столицу на Балканах и дунайском лимесе²⁸. Следствием этих событий стал конфликт с императором Анастасием. Эннодий начинает свое изложение происшедших событий с рассказа об истории данного региона: «Город Сирмиум некогда представлял собой границу Италии, здесь Августы несли караул...»²⁹. Играли ли в решении Теодориха о захвате Сирмиума соображения, касающиеся обеспечения безопасности Италии, существенную роль? В этом можно усомниться. Во всяком случае, если это и было одним из мотивов, речь все же скорее шла о мерах предос-

торожности, принимаемых против Восточной Римской империи, нежели чем против царьков, оспаривавших друг у друга эту провинцию. К тому же, действия Теодориха позволяют предположить у него наличие некоторых имперских претензий: Теодорих стремится собрать вокруг своего королевства земли, прежде составлявшие территорию Западной Римской империи. Тогда становится понятно стремление Эннодия четко определить цели и задачи предпринятой Теодорихом военной кампании, представляя нам Сирмиум как «заслон Италии». Это очень значимая формулировка, особенно в свете желания автора показать короля в данном случае исключительно повелителем и защитником Италии. Поэтому, объясняет Эннодий, не может идти и речи о захвате чего бы то ни было, но только о возврате ранее принадлежавшего³⁰. Таким образом, Эннодий поражает две цели одновременно: с одной стороны, он заявляет о правах Италии на Паннонию, с другой стороны, подчеркивает, что Теодорих является не кем иным, кроме как *rex Italiae*.

Данный пример не единственный, где Эннодий, говоря по сути дела об имперских претензиях Теодориха и возвышая его фактически до уровня императора, отказывает ему в императорском титуле. Складывается впечатление, что Эннодий многократно и настойчиво пытается в Панегирике убедить Теодориха воздержаться от узурпации императорского титула, ограничиться тем, что есть. Не потому, вероятно, что Эннодия очень пугал сам факт подобной узурпации, скорее попытка Теодориха предпринять что-нибудь в этом роде нарушила бы его представления о том, каким должен быть *rex Italiae*.

В награду за помощь в борьбе с узурпатором Василиском и за возвращение императорского трона Зенон присвоил Теодориху консульское звание. Императорская благодарность кажется Эннодию ничтожной и смехотворной. Он видит в этом доказательство простоты короля и, вспоминая Цинциннату, восклицает: «Почему, древность, ты противопоставляешь мне

члены крестьянина, облаченного в пурпурную тогу? Я же предлагаю тебе то, что победит твое восхищение, моего повелителя столь высоко рожденного, что невозможно его осуждать, и который ведет себя так, как если бы ему нужно было еще проситься быть принятым среди императоров»³¹. Теодорих даже превосходит императора, так как он сам держит в своих руках свою судьбу³². Конечно, консулат это одна из тех магистратур, которой не пренебрегают даже императоры. Однако *rex genitus* не нуждается в ней, чтобы встать в одном ряду с императорами. Отсюда становится ясно, почему Эннодий ни разу не упоминает о патрикиате Теодориха, ведь это звание помещает короля на нижний по отношению к императору ранг³³.

Не менее важен для понимания концепции королевской власти, которой придерживался Эннодий, следующий фрагмент из Панегирика: «Ты являешь себя повелителем силой, бдительностью, успехом, и священником – мягкостью. Что ж! Напрасно наши предки называли божественными и понтификами тех, кому вручали скипетр. Уникально же – это своими деяниями стать святейшим, не нося при этом никаких почтенных имен. Мой король мог бы с полным правом именоваться Аламанским, носить это чужое имя. Пусть он живет как божество, с сознанием своей чистой совести, и пусть он не ищет пустых слов, чтобы выразить помпезное бахвальство, поскольку, чтобы обрисовать его нрав, лесть древних служит во имя истины»³⁴. Общий смысл сказанного совершенно ясен. Эннодий подвергает здесь критике всю идеологическую базу, на которой основывалась императорская титулатура. Он прямо противопоставляет всем титулам, которыми украшали императоров, простоту Теодориха, который на самом-то деле, безусловно, достоин всех этих титулов и мог бы их с полным правом носить. Впрочем, при всей ясности общего смысла, интерпретация этих строк не кажется нам абсолютно очевидной. Ф. Фогель и В. Энслин вполне обоснованно связывают появление этого пассажа с разногласиями, возникшими между Равенной и Константинополем, в связи с событиями во-

круг Сирмиума³⁵. Они также видят здесь отзвук борьбы вокруг претензий Теодориха на некоторые императорские привилегии³⁶. Все это вполне возможно.

Однако нам кажется сомнительным, чтобы Эннодий просто действовал здесь как выразитель королевской воли, ограничиваясь поддержкой притязаний Теодориха. В таком случае очень странно бы звучали определения императорских титулов как «*promposae vocabula nuda jactantiae*». Конъюнктив *nec requirat*, напротив, предлагает отказаться от этих пустых атрибутов тщеславия. Скорее, это звучит как утешение, а не призыв к действию. Теодорих не обладает этими титулами, но на его стороне реальное положение вещей, и этого ему должно быть довольно. В. Энслин полагает, что Эннодий «обращается к Теодориху как к правителю и священнику». Мы же, напротив, считаем, что Теодорих обладает всеми добродетелями первого и второго, но к тому же еще одним несомненным достоинством – способностью воздержаться от обладания титулом. То есть ситуация Теодориха разительно отличается от той, в которой находятся Хильдеберт у Фортуната или Гунтран у Григория Турского. Если угодно, можно сказать, что Эннодий использует литоту, чтобы сделать комплимент своему королю.

Еще один момент в данном тексте заслуживает специального разбора. Мы имеем в виду фразу: «*Rex meus sit jure Alamannicus, dicatur alienus*». Предложенный нами выше перевод этого предложения существенно отличается от перевода В. Энслина, который выглядит следующим образом: «Мой король имеет все основания быть победителем аламан, *Alamannicus*, хотя иностранец носит такое имя»³⁷. Ф. Фогель, придерживаясь той же точки зрения, задается вопросом, кто же этот *rex alienus*, который носит титул *Alamannicus*, и приходит к выводу, что речь идет об императоре Восточной Римской империи Анастасии³⁸. На первый взгляд подобная интерпретация кажется вполне убедительной и не противоречащей общему кон-

тексту: Теодорих обладает всем на деле, а за императором остается только видимость и титул. Однако нам представляется, тем не менее, возможным обосновать предложенный нами вариант перевода и показать, что он лучше соответствует как широкому контексту, так и намерениям Эннодия.

В латинском языке классического периода прилагательное *alienus* имело два основных значения: «принадлежащий другому» и «иностран- ный». Несколько странно, как кажется, было бы таким способом опреде- лять императора Восточной Римской империи. Во всяком случае, это был бы единственный подобный пример. Было бы понятно, если, например, ав- тор написал бы «другой правитель». Но зачем именно здесь специально называть императора *alienus*? Он чужой кому: Теодориху и римлянам Ита- лии, алеманам? Нужно было бы, чтобы в данном случае слово имело ка- кой-нибудь обидный оттенок, содержание которого как-то не улавливает- ся. Ведь важно не то, что какой-то «чужой» король носит этот титул, а то, что это другой правитель, не Теодорих, который единственный его заслу- живает. *Alienus*, «чужой» предполагает различие с кем-то, а мы не видим, чтобы это значение здесь бы усиливалось. Наоборот, в этом случае под- черкивается важность того, что этот правитель, носящий титул, никак не связан с алеманами и уж тем более не находится с ними в отношениях по- бедитель–побежденные. Однако совершенно невозможно представить для слова *alienus* значение «не имеющий к ним никакого отношения».

Как нам кажется, высказанных критических соображений и сомне- ний вполне достаточно, чтобы попытаться найти иной путь решения во- проса, который помог бы нам прояснить смысл и объяснить выбранное словоупотребление. Мы предлагаем перевести: «носить чужое имя», то есть имя, которое не является его собственным. Это первый вариант. Эн- нодий иронизирует. *Alamannicus* – это эпитет, возникший от наименования народа, который в императорской титулатуре мы переводим как «победи- тель алеман». Однако в прямом, собственном смысле слова, прилагатель-

ное означает «алеманский», то есть «принадлежащий к племени алеман». Для римлянина, для грека, как император Анастасий, для гота, как Теодорих, назвать себя *Alamannicus* значит в каком-то смысле изменить свою национальную принадлежность. Как и любое другое тщеславное бахвальство, оно, если встать на этот путь, выглядит смешно и нелепо. Впрочем, то, что кажется смешным и нелепым, когда касается императора, уже не является таковым в случае Теодориха (*jure*). И не потому, что Теодорих на самом деле является «победителем алеман». Напротив, он может называться *Alamannicus*, потому что выступает защитником и спасителем алеман. Относясь к Теодориху, прилагательное возвращает себе свое истинное значение (*jure*), а значение техническое, эпиграфическое теряется. Если не ограничиваться ближайшим контекстом и взглянуть несколькими строчками выше, мы увидим, что непосредственно перед обсуждением вопроса о титуле *Alamannicus* Эннодий рассказывает о благодеянии, оказанном Теодорихом народу алеман. По сути дела, Теодорих спас их, разрешив поселиться на территории Италии. О победе не говорится ни слова. Наоборот, читаем следующее: «Твоими заботами общность алеманов была закрыта в пределах Италии без ущерба для собственности римлян, и они обрели возможность получить короля, после того, как заслужили его потерять»³⁹. Теодорих приобрел новый народ, он стал *rex Alamannicus*, то есть *rex alienus*. Таким образом, Эннодий хочет сказать не только, что Анастасий незаконно носит титул *Alamannicus*, не только, что Теодорих отныне его заслуживает, потому что он их победил, но, самое главное, потому что Теодорих дал им в своем лице нового короля. Основным камнем преткновения является не обсуждение законности титула, а его содержания. В итоге Эннодий как бы преподает императору урок, вновь актуализируя старую эллинистическую тему: король-спаситель гораздо важнее, чем король-победитель⁴⁰.

Вновь мы возвращаемся к той же самой, прежней идее Эннодия. Автор старается отгородить Теодориха и от тщеславного самодовольства императоров, и от традиции предков (*frustra majores nostri...*). Наступившая эпоха предъявляет свои, новые требования, созвучные ей. Теодорих – это *modernus dominus*⁴¹. Его основной титул *rex*, и он включает в себя все остальное: *princeps* и *sacerdos*. Эннодий тщательно обдумывает и отбирает каждое слово, в рассматриваемом нами фрагменте нет ничего случайного, все взвешено, все согласовано с общим замыслом и направлено на достижение поставленной цели: *rex meus sit jure Alamannicus, dicatur alienus. Meus, alienus*. Все равно, как если бы было сказано: «я преподношу в дар моего короля алеманам, я согласен, чтобы он был королем другого народа»⁴². Одни добродетели делают его *princeps*, другие – *sacerdos*, кроме того, он еще *divus, sanctissimus*. И все вместе они соединяются в ключевой формуле: *Theodericus rex meus*. Poleмика с Восточной Римской империей тут очевидна. Однако речь здесь идет вовсе не о том, чтобы знать, достоин ли Теодорих быть императором: он уже *rex*, а для Эннодия это гораздо важнее и лучше. Эннодия не беспокоят проблемы протокола, своими сочинениями он творит и утверждает новую реальность (*singulare est*). От императора, таким как его представляла и изображала традиция предков, к королю, соответствующему современной эпохе, и различие между ними качественное. Напыщенная помпезность, амбициозное тщеславие уступают место реальному положению дел, принятая условность – истинному смыслу. Титул *Alamannicus* и полемика вокруг него символизируют происходящий сдвиг: на место императора, все сокрушающего и подавляющего, приходит король защищающий и спасающий.

Если мы обратимся затем к письму *In Christi signo*, то увидим, что признание новой роли короля превращается в настоящий панегирик всей его деятельности. Тщательно анализируя детали письма, историк без труда найдет в них множество преувеличений. Наша же задача сейчас иная. От-

мечая, что в очередном восхвалении короля не было такой уж жесткой необходимости, мы лишь акцентируем внимание на личной инициативе Эннодия. Он обнаруживает ключ, открывающий судьбу правителя, и этот ключ находится в руках Бога. Обстоятельства объединили желания короля и народа, сплотили их в едином устремлении: «Достойный правитель, достойные подданные, которые заслужили, чтобы при их жизни исполнились бы самые заветные их желания»⁴³. Уважительное отношение короля к *vota populi* служит дополнительным подтверждением законности его власти. Все его военные успехи являются знаком несомненной божественной милости: «И все это ему предоставлено в награду за помощь Небу, потому что при нем наша вера находится в безопасности, хотя сам он придерживается другого вероисповедания. Удивительная терпимость, поскольку твердая в своих намерениях, она своим светом не заслоняет другого»⁴⁴. Письмо заканчивается пожеланием увидеть рождение наследника: «чтобы благодеяния столь великого человека не исчезли бы в будущих поколениях»⁴⁵. Принимая во внимание юридические аспекты утверждения власти Теодориха над Италией, трудно переоценить важность заключительных фраз, явно имеющих программный характер. Власть над Италией была делегирована лично Теодориху императором Зеноном, и для ее передачи необходима та же процедура. Утверждение же наследственных прав Теодориха на Италию подводит нас к признанию его полного суверенитета над этой территорией. Нужно также отметить, что Эннодий говорит об этом свободно и по собственной воле, так как у Теодориха не было сына. Если бы он пожелал, чтобы сын короля, уже рожденный, наследовал однажды своему отцу, можно было бы предположить, что Эннодий делает заявку на будущее, перспектива которого уже вырисовывается. Но совершенно абстрактно-теоретический характер высказанного пожелания делает его краеугольным камнем всей концепции королевской власти Теодориха, как ее видит Эннодий. Согласно Эннодию, Теодорих прибыл в Италию, направленный

туда божественным внушением. Уже первые годы его правления показывают, что он избран орудием Провидения. Его королевская власть освящена Небом, и он вправе передать ее по наследству своим потомкам. Если наследственный принцип передачи власти и был характерной чертой королевской власти у германцев, то здесь мы видим, как этот принцип был взят и истолкован в совершенно иной перспективе римскими церковными кругами.

И, наконец, логическое завершение концепция христианской королевской власти Теодориха получает в Панегирике. В Панегирике не перечисляются последовательно, в точном соответствии с перечнем все деяния короля. Что-то вообще опускается, некоторые эпизоды излагаются более подробно. Какие-то события вырастают в крупные повествования, какие-то упоминаются только осторожными намеками и аллюзиями, как, например, лаврентиевская схизма, благодаря которой образ короля засиял дополнительными красками, и в нем проявилось новое морально-этическое содержание: «Ты, почитатель Высшего Бога, получил с самого порога жизни образование, которое дает жизнь. Ты никогда не приписываешь собственным трудам то, что счастливый случай тебе предлагал: ты знаешь, что в тебе есть усердие, а в руках Бога – власть свершения. Ты поступаешь таким образом, что заслуживаешь успеха, однако, когда ты его получил, ты относишь все за счет того, кто был его автором. Ты являешь собой правителя силой, бдительностью, успехом, и священника – мягкостью»⁴⁶. Мы уже писали, что не следует полагать, будто бы Эннодий наделяет Теодориха титулами *princeps* и *sacerdos*⁴⁷. Он только утверждает, что в характере королевской власти Теодориха есть элемент первенства, превосходства (*princeps*) и религиозная составляющая (*sacerdos*). Теодорих умеет отдавать Богу Богово и в ответ получает от него успех. *Mansuetudo* представляет собой христианизированную версию *civilitas* или *clementia*. Это не только добродетель, подразумевающая характер отношений короля со своими

подданными, но также и состояние, противоположное *superbia*, которая как раз и означает приписывание себе всех заслуг в достижении успеха. Таким образом, значение данного текста ограничивается добавлением некоторых новых нюансов в модель королевской власти Теодориха, создаваемую Эннодием, который вовсе не ставит своей задачей дать теоретическое обоснование концепции цезарепапизма в интересах короля. Образ королевской власти обогащается существенным христианским элементом. Власть короля не является сугубо светской, а сам король – не предводитель орд завоевателей. Эта концепция власти, только еще намечающаяся у Эннодия, в недалеком будущем окажется чрезвычайно плодотворной.

Итак, Эннодий различает два существенных аспекта в королевской власти: первый – назовем его патриотический или национально-италийский – и второй – религиозный, причем последний не существует сам по себе, но является следствием той защиты и покровительства, которое Теодорих оказывал римской церкви. Одна лингвистическая деталь способствует соединению этих элементов, их взаимному проникновению и слиянию в единое целое: использование притяжательного местоимения с *rex*. Через весь Панегирик проходят выражения *rex meus*, *rex noster*. Такое подчеркнуто акцентированное присвоение означает, что Теодорих является королем Италии и другом Церкви, то есть имеются в виду те два сообщества, от имени которых выступает Эннодий. Он последовательно настаивает на оригинальном характере этого типа королевской власти. Теодорих стал королем не потому, что на его стороне была сила, а потому что откликнулся на призыв, вызвал чувство привязанности и не обманул связанных с ним ожиданий. Было бы кощунством сравнение подобного словопотребления притяжательных местоимений с их употреблением в выражениях *Deus meus* или *Deus noster*? Ведь связь подданных с королем строится по той же модели, что и связь верующих с Богом, и это связь преданности и любви.

Позиция Эннодия, как это обычно и бывает в переходные периоды, не свободна от определенной амбивалентности. Историки новейшего времени чаще всего основное внимание уделяли его «имперскому консерватизму». И это действительно так, за доказательствами далеко ходить не надо. Уже на основании Панегирика мы можем составить целый список выражений, типичных для сочинений императорской эпохи: *princeps venerabilis, status reipublicae, majestas tua, numen tuum*⁴⁸. Однако тут же мы видим рождение нового взгляда на короля и королевскую власть. Этот процесс особенно нагляден даже не в самом Панегирике, а в небольшом стихотворении *De horto regis*, в котором очень явственно проступает предчувствие средневековья⁴⁹. В стихотворении дается развернутое описание королевского сада, который своим богатством, пышностью, разнообразием символизирует могущество короля. Пурпур там цветет в честь монарха: «Растения признают того, кто их взращивает, немые, они говорят. Тот, до кого дотронулся повелитель, получает весну в стужу»⁵⁰. С литературной точки зрения это стихотворение мало интересно, хотя в нем и применяется прием «соответствий», который предвосхищает эстетические установки Фортуната⁵¹.

Интересно также отметить, что нигде, даже в Панегирике, Эннодий не стремился вписать Теодориха в череду императоров, скорее, он даже им его противопоставляет. Для него Теодорих это не новый Траян или новый Тит, каковыми он станет позднее для Кассиодора. Масштабная конструкция *Variae*, отвечающая имперским амбициям Теодориха, порывает с курсом на постепенную и добровольную эволюцию, на которую надеялся и над которой работал Эннодий. Отодвигая на задний план империю и римскую имперскую идеологию, Эннодий пытается соотнести Теодориха с эллинистической традицией и сравнивает его с Александром Македонским⁵². Таким образом, Эннодий включает Теодориха в более широкий философский контекст эллинистической традиции королевской власти, в которой

империя оказывается в известном смысле лишь частным случаем. В итоге Теодорих оказывается вписанным в античную традицию *rex*, дополненную новыми существенными элементами, источником для которых явились италийский патриотизм и христианская мысль.

¹ См.: *Ennod.*, Ep. 6, 24: «Ego Gallias, quae totum me propter vos sibi vindicant, si oculis non inspicio, affectione non desero». Некоторые из близких родственников Эннодия продолжали жить в Галлии еще в VI в. См.: *Stroheker K.F.* Der senatorische Adel im spätantiken Gallien. Darmstadt, 1970. S. 166.

² *Ennod.*, Op. 5, 5: «Tempore quo Italiam optatissimus Theoderici regis resuscitavit ingressus, cum omnia ab inimicis ejus inexplicabili clade vastarentur et, quod superesset gladiis fames necaret, cum excelsa montium castrorumque arces penuria perumperet et in culminibus locatos armis saevior egestas obsideret, ego annorum ferme sedecim amittae quae me alverat ea tempestate solacio privatus sum».

³ *Mauriac F.* Vie de Racine. P., 1962. P. 134.

⁴ Его роль арбитра – впрочем, неудачная – до эскалации конфликта, управление Испанией, осуществляемое от имени своего внука, а на практике ставшее фактической аннексией, возвращение Южной Галлии, все эти факты являются наглядными свидетельствами и этапами этого постепенного осознания. Весьма вероятно, что именно к этой эпохе относится знаменитая надпись, которую приводит П. Курсель (*Courcelle P.* Histoire littéraire des grandes invasions germaniques. P., 1964. P. 246). Один только раз Эннодий называет Теодориха «imperator noster» (*Ennod.*, Libellus, 74).

⁵ *Ennod.*, Pan., 77: «Vide divitias saeculi tui: tunc vix fora habuere perfectos, nunc ecclesia dirigit laudatorem».

⁶ *Ennod.*, Pan., 13: «Ventilemus historias, interrogentur annales: apud quos constitit refusum exuli, quem cruore suo rex genitus emerat, principatum?». Эти слова касаются той помощи, оказавшейся решающей, которую Теодорих оказал императору Зенону в его борьбе с узурпатором Василиском.

⁷ *Ennod.*, Vita Epiph., 95: «... ecce ille quietis nescius et scelerum patrator inimicus... inquit quibus virum integerrimum passionibus lacessiret... Spe novarum rerum perditorum animos inquietat, Odovacrem ad regnandi ambitum extollit».

⁸ О готах речь заходит, в частности, когда Эннодий пишет о разделе земель, но и этот факт, подаваемый в сугубо положительном аспекте, включается им в общий контекст написанного в панегирическо-экспрессивном стиле письма патрикию Либерию, в котором воздается хвала этому достойнейшему государственному мужу (*Ennod.*, Epist. IX, 23).

⁹ *Ennod.*, Pan., 43: «Stat ante oculos meos genitor de quo numquam fecit in certamine fortuna ludibrium...».

¹⁰ Совершенно иную роль Тиудимер играет в сочинении Иордана.

¹¹ *Ennod.*, Pan., 11.

¹² *Ibid.*, 88: «Solus es natura et meritis compositus, cuius magnamini jussa sectentur. Origo te quidem dedit dominum, sed virtus adseruit. Sceptra tibi conciliavit splendor generis, cuius si deessent, eligi te in principem mens fecisset».

¹³ *Ibid.*, 91: «... quod agunt in aliis dominis diademata, hoc in rege meo operata est deo fabricante natura».

¹⁴ *Ibid.*, 89: «Sed nec formae tuae decus inter postrema numerandum est, quando regii vultus purpura ostrum dignitatis inradiat... Statura est quae resignet prolixitate regnantem; nix genarum habet concordiam cum rubore; vernant lumina serenitate continua; dignae manus quae exitia rebellibus tribuant, honorum vota subiectis». Очень примечательно в данном контексте употребление слова *serenitas* в его прямом значении, поскольку в переносном смысле оно означает один из императорских титулов. Подобные детали описания физического облика Теодориха полностью вписываются в традицию литературного портрета, подробно прослеженную в монографии Л. Билера, см.: *Bieler L. Θεῖος ἀνὴρ. Das bild des "göttlichen Menschen" in Spätantike und Frühchristentum. Vienne, 1935. S. 51–52.*

¹⁵ О том, как связаны между собой правила изображения правителя на портрете и политическая идеология см. подробнее: *L'Orange H.P. Apotheosis in ancient portraiture. Oslo, 1947.* Созданный Эннодием литературный портрет Теодориха можно было бы весьма продуктивно сравнить с изображением того же короля, воспроизводящемся на знаменитом медальоне из Сенегалы, как, например, это предлагает сделать С. Фухс (*Fuchs S. Bildnisse und Denkmäler aus der Ostgotenzeit // Die Antike. XIX. 1943. S. 122–125.* О мозаике из Сент-Аполлинер-ле-Нёв, на которой первоначально также мог быть изображен Теодорих, см.: *Шкаренков П.П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004. С. 107–108.*

¹⁶ Особо стоит отметить, что в произведениях Эннодия слово *genitus* довольно часто сближается со словом *genius*, см., например, индекс Ф. Фогеля к изданию Эннодия. В частности, интересен следующий пример из Панегирика: «fascis accepisti, non quo tibi accederet genius de curuli...» (*Ennod., Pan., 15.*)

¹⁷ Этот глагол или производные от него, а также все образы, с ним связанные, играют очень важную роль в сочинениях Фортуната, когда он создает портреты королей в своих панегириках.

¹⁸ *Ennod., Pan., 93:* «sed utinam aurei bona saeculi purpuratum ex te germen amplificet! Utinam heres regni in tuis sinibus ludat! Ut haec quae tibi offerimus verborum libamina, sacer parvulus a nobis exigit similium adtestatione gaudiorum». Данный фрагмент можно сравнить, например, с фразой Фортуната: «ubi luserit heres» (*Fortunatus, Carm., VI, 1, 36.*) Здесь также можно предположить реминисценцию из Вергилия (*Virg., Aen., IV, 329.*)

¹⁹ Название династии, имеющее столь важное значение как в *Variae* Кассиодора, особенно после смерти Теодориха, так и в сочинении Иордана, совершенно неизвестно Эннодию.

²⁰ *Ennod., Pan., 12.*

²¹ *Ennod., Vita Epiph., 80:* «Tolosae alumnos Getas quos ferrea Euricus rex dominatione gubernabat...»; 140: «princeps eorum Gundobadus est...».

²² *Ibid., 109.*

²³ *Ibid., 163.*

²⁴ *Ennod., Pan., 109.*

²⁵ *Ennod., Ep., IV, 6; 26; VI, 27.* Другие примеры см. в Индексе Ф. Фогеля.

²⁶ *Ennod., Pan., 23:* «... per gubernantium vilitatem potens terra consenuerat...».

²⁷ *Ennod., Vita Epiph., 143:* «... omnes retro imperatores te pietate superasse commemorem...».

²⁸ *Lot F., Pfister C., Ganshof F.L. Les destinées de l'Empire en Occident de 395 à 768 // Histoire générale. Histoire du Moyen Age. Vol. I. P., 1940. P. 120. Stein E. Histoire du Bas-Empire. Vol. II. P.; Bruxelles; Amsterdam, 1949. P. 145.*

²⁹ *Ennod., Pan., 60:* «Sermiensium civitas olim limes Italiae fuit in qua seniores domini excubabant ne coacervata illinc finitimarum vulnera gentium in Romanum corpus excurrerent». Слова *seniores domini* отсылают к иерархии императоров в системе тетрархии, см.:

Straub J. Vom Herrscherideal in der Spätantike. Stuttgart, 1939. S. 46. В этих словах заключается также и закамouflированное утверждение первенства Запада.

³⁰ *Ennod., Pan., 62:* «... non adquisitam esse terram credidit sed refusam». Ср. выражение *refusum imperium*, сказанное по поводу империи, возвращенной Зенону Теодорихом (*Ennod., Pan., 13*). См. также, какими словами Эннодия говорит об окончании кампании: «interea ad limitem suum Romana regna remearunt» (*Ennod., Pan., 69*).

³¹ *Ibid., 18:* «Quid mihi, vetustas, obicias agrestis membra paludamentis decorata? Ego tibi, quod admirationem vincat, oppono principem meum ita ortum ut eum non liceat improbari, ita agere quasi inter imperatores adhuc precetur adjungi».

³² Об этом эпизоде см.: *Stein E. Op. cit. Vol. I. P. 363.*

³³ Ф. Фогель видит в подобной позиции Эннодия отзвук возмущения, вызванного при дворе в Равенне отказом императора Анастасия признать за Теодорихом право носить императорские регалии (*Vogel V. Inrtoduction. S. XVII*).

³⁴ *Ennod., Pan., 80-81:* «Exhibes robore, vigilantia, prosperitate principem, mansuetudine sacerdotem. Quid! Frustra majores nostri divos et pontifices vocarunt quibus sceptrata conlata sunt. Singulare est actibus implere sanctissimum et veneranda nomina non habere. Rex meus sit jure Alamannicus, dicatur alienus. Ut divus vitam agat ex fructu conscientiae nec requirat pomposae vocabula nuda jactantiae, in cujus moribus veritati militant blandimenta majorum».

³⁵ *Vogel V. Inrtoduction. S. XVIII; Ennslin W. Theoderich der Grosse. München, 1947. S. 139-140.*

³⁶ *Ennslin W. Op. cit. S. 140,* удачно замечает: «Der Redner wusste wohl was für ein Wind wehte».

³⁷ *Ibid. S. 140:* «Mein König soll mit Fug und Recht Alamannensieger, Alamannicus, sein, so heissen mag ein Fremder».

³⁸ *Vogel V. Inrtoduction. S. XVII:* «at quis est ille rex alienus, qui indignus illum titulum sibi vindicavit? Unus intellegi potest Anastasius, orientis imperator». См. также: *Vyver, A. van de. La victoire contre les Alamans et la conversion de Clovis // Revue belge de philologie et d'histoire. 1937. Vol. XVI. P. 60.* Анастасий в письме к Сенату объявляет о принятии титула *Alamannicus*.

³⁹ *Ennod., Pan., 72:* «A te Alamanniae generalitas intra Italiae terminos sine detrimento Romanae possessionis inclusa est, cui evenit habere regem postquam meruit perdidisse».

⁴⁰ Г. Дагрон приводит в своей монографии следующую цитату из Фемиствия: «Мне пришло на ум, что императоры прежде заставляли называть себя или Ахейский, потому что они опустошили Грецию, или Македонский, потому что они сделали из Македонии пустыню... А кому подошло бы лучше всего наименование Готский, тому, благодаря которому готу спасены и продолжают существовать, или тому, кто ответственен за их изгнание и истребление?» (Ог., X, 140, а-с). Далее, в комментарии, Г. Дагрон отмечает, что во всех случаях истинный правитель должен предпочесть титул спасителя всем прочим триумфальным эпитетам. См.: *Dagron G. L'Empire romain d'Orient au IVe siècle et les traditions politiques de l'hellénisme. Le témoignage de Thémistios. P., 1967. P. 115.* (Travaux et Mémoires du Centre de Recherches d'histoire et de civilization byzantines. Vol. III.). П. Ламма указывает, что Агафий (I, 4) вкладывает в уста Теодоберта подобное же возражение против победных титулов, носимых Юстинианом (*Lamma P. Oriente e Occidente nell'alto medioevo. Studi storici sulle due civiltà. Padoue, 1968. P. 96*).

⁴¹ *Ennod., Vita Epiph., 161.* В этом тексте Эннодий противопоставляет Теодориха, называя его *modernus*, Гондебаду, которого он считает *antiquus dominus*. Конечно, нельзя забывать, что эти слова вложены Эннодием в уста Епифанию и произносятся они перед Гундобадам. То есть Епифаний хочет польстить королю Бургундии, королевство которого образовалось раньше и, следовательно, старше, древнее, чем королевство Теодо-

риха. Однако хронологией все не исчерпывается: использование определения *modernus* в *Variarum Cassiodori* уже будет означать, что Теодорих является правителем «соответствующим духу времени».

⁴² В письме *In Christi signo* мы находим подобную же оппозицию: *suus/alienus* (*Ennod.*, Ep., IX, 30, 7).

⁴³ *Ennod.*, Ep. IX, 30, 4.

⁴⁴ *Ibid.*, 7: «Et haec quidem caelesti praeparantur pro hac repensione suffragio, quia fides nostra apud eum - aliud ipse sectetur - in portu est. Mirabilis patientia, quando tenax propositi sui claritatem non obumbrat alieni». *Tenax propositi* отсылает нас к Горацию (*Horat.*, Carm., III, 3, 1).

⁴⁵ *Ibid.*, 10: «Det etiam regni de ejus germine successorem ne bona tanti hominis in una aetate veterescant et antiquata temporibus pro sola aurei saeculi commemoratione nominentur».

⁴⁶ *Ibid.*, 80: «Te summi dei cultorem ad ipso lucis limine instructio vitalis instituit. Nunquam applicas laboribus tuis, quod eventus dexter obtulerit: scis in te curam, penes deum perfectionis esse substantiam. Agis ut prospera merearis adipisci sed potius universa adscribis auctori. Exhibes robore...».

⁴⁷ По этому вопросу см.: *Martini G. Regale sacerdotium* // *Archivio della Deputazione Romana di storia patria*. 1938. № 61. P. 90. С его точки зрения, приведенный фрагмент из Эннодия свидетельствует, что он стремился реализовать в образе Теодориха идеал короля-священника «*ma in forma assai attenuata*». Дж. Пикотти (*Picotti G.B. Osservazioni su alcuni punti della politica religiosa di Teoderico* // *Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto Medioevo*. 1956. III. P. 183–184) с основанием полагает, что Дж. Мартини неверно толкует мысль Эннодия. Однако, слишком увлеченный своим неприятием религиозной политики Эннодия, Дж. Пикотти вчитывает, по нашему мнению, в текст призыв к Теодориху не вмешиваться в дела церкви. Как кажется, это идет от неверной интерпретации слова *sacerdos*, употребленного Эннодием. Ведь Эннодий скорее касается формы, а не существа дела. Нам представляется, что в данном случае Эннодий поздравляет короля с тем, что тот как раз не использует свое влияние в церковных делах, чтобы – в отличие от многих других – украшать себя титулами столь же звучными, сколь и пустыми.

⁴⁸ *Ennod.*, Pan., 1; 5; 2; 4.

⁴⁹ *Ennod.*, Carm., 2, 111. Ф. Фогель издал это стихотворение, поместив его тут же, где оно находилось в рукописях, то есть сразу за Панегириком. Это показывает, что очень рано обратили внимание, что Панегирик и стихотворения объединяют общая интонация, настрой, ощущения.

⁵⁰ *Ennod.*, Carm., 2, 111, 13-14: «*Gramina cultorem praenoscent, muta locuntur; / Quod tetigit princeps, ver habet in glacie*». Последняя фраза представляет некоторую трудность. Мы считаем, что *ver* это винительный падеж, что сохранено в переводе. Однако можно также представить *ver* и подлежащим: «весна им овладевает».

⁵¹ Возможно, Фортунат ориентировался на Эннодия как на образец, когда писал стихи о саде Ультроготы, в которых воспроизводит тот же ряд символов.

⁵² *Ennod.*, Pan., 78.